

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Distr.
LIMITED

A/CN.4/L.608/Add.8
20 July 2001

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Пятьдесят третья сессия

Женева, 23 апреля - 1 июня и 2 июля - 10 августа 2001 года

**ПРОЕКТ ДОКЛАДА КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
О РАБОТЕ ЕЕ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ**

Докладчик: г-н Цичжи Хэ

ГЛАВА V

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА МЕЖДУНАРОДНО-
ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ**

Добавление

E. Текст проектов статей об ответственности государств за международно-
противоправные деяния (продолжение)

2. Текст проектов статей и комментарии к ним (продолжение)

ГЛАВА III

СЕРЬЕЗНЫЕ НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ОБЩЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1) Глава III Части второй имеет название "Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права". В ней устанавливаются некоторые последствия конкретных видов нарушений международного права, идентифицируемых по двум следующим критериям: во-первых, это - нарушения императивных норм общего международного права; во-вторых, эти нарушения сами по себе с учетом их масштабов или характера являются серьезными. Глава III состоит из двух статей, первая из которых содержит определение сферы ее охвата (статья 40), а во второй перечислены правовые последствия нарушений, подпадающих под действие данной главы (статья 41).

2) Вопрос о том, следует ли проводить качественное разграничение между различными нарушениями международного права, послужил предметом широкой дискуссии¹. Значение этого вопроса было подчеркнуто Международным Судом при рассмотрении дела *Барселона трэкин*, когда им было заявлено, что:

"необходимо проводить существенно важное различие между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами по отношению к другому государству в области дипломатической защиты. В силу самого своего характера первые касаются всех государств. С учетом важности соответствующих прав можно утверждать, что все государства имеют юридический интерес, связанный с их защитой; они являются обязательствами *erga omnes*"².

Суд в данном случае хотел противопоставить положение понесшего ущерб государства в контексте дипломатической защиты с положением всех государств в отношении нарушения обязательства перед международным сообществом в целом. Хотя в данном конкретном деле вопрос о таком обязательстве и не стоял, из заявления Суда ясно

---

¹ Полную библиографию см. M. Spinedi, "Crimes of States: A Bibliography", in J. Weiler, A. Cassese & M. Spinedi (eds.), *International Crimes of States* (Berlin/New York, De Gruyter, 1989), pp. 339-353 и N. Jørgensen, *The Responsibility of States for International Crimes* (Oxford, Oxford University Press, 2000) pp. 299-314.

² *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase, I.C.J. Reports 1970*, p. 3, at p. 32, para. 33. См. M. Ragazzi, *The Concept of International Obligations Erga Omnes* (Oxford, Clarendon Press, 1997).

вытекает, что для целей ответственности государств некоторые обязательства возникают перед всем международным сообществом в целом и что вследствие "важности соответствующих прав" все государства имеют юридический интерес, связанный с их защитой.

3) В последующем в целом ряде случаев Суд пользовался возможностью, чтобы подтвердить понятие обязательств перед международным сообществом в целом, хотя и проявлял осторожность в отношении его применения. По делу о *Восточном Тиморе* Суд заявил, что "Утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение в том виде, как оно вытекает из Устава и из практики Организации Объединенных Наций, имеет характер *erga omnes*, безукоризненно"³. На стадии рассмотрения предварительных возражений по делу *О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* Суд заявил, что "права и обязательства, закрепленные в Конвенции [о геноциде], являются правами и обязательствами *erga omnes*"⁴: это заключение способствовало тому, что он пришел к выводу о том, что его юрисдикция в отношении этого иска по сроку не ограничивается временем, после которого стороны становятся связанными между собой Конвенцией.

4) Тесно связанным с данным рассуждением является признание понятия императивных норм международного права в статьях 53 и 64 Венской конвенции о праве международных договоров⁵. В этих положениях признается существование небольшого числа существенно важных норм настолько основополагающего характера, что отступление от них не допускается даже и на основании международного договора⁶.

5) Исходя из первого, было признано, что эти обстоятельства имеют последствия для вторичных норм ответственности государства, что так или иначе следовало бы отразить в статьях. Сначала предполагалось, что это можно было бы сделать путем ссылки на категорию "международных преступлений государств", которые отличались бы от всех других случаев международно-противоправных деяний ("международных деликтов")⁷.

---

³ *East Timor (Portugal v. Australia)*, *I.C.J. Reports 1995*, p. 90, at p. 102, para.29.

⁴ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Preliminary Objections*, *I.C.J. Reports 1996*, p. 595, at p. 616, para 31.

⁵ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, том 1155, стр. 331 английского текста.

⁶ См. статью 26 и комментарий.

⁷ См. *Ежегодник... 1976 год*, том II, часть вторая, стр. 110-141, в частности пункты 6-34. См. также комментарий к статье 12, пункт 6.

Вместе с тем никаких уголовных последствий для государств в случае нарушения этих основополагающих норм не предусматривалось. Например, присуждение штрафных убытков не признается в международном праве даже в случае серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм. В соответствии со статьей 34 функция убытков по существу является компенсационной⁸. Кроме того, остается неизменным тот факт, что, как заявил в 1946 году Международный военный трибунал:

"Преступления в нарушение международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и поэтому обеспечить выполнение положений международного права можно лишь путем наказания индивидов, которые совершают такие преступления"⁹.

6) В соответствии с таким подходом, несмотря на состоявшиеся процессы и осуждение Нюрнбергским и Токийским военными трибуналами отдельных правительственных должностных лиц за преступные деяния, совершенные ими в их официальном качестве, ни Германия, ни Япония не рассматривались в качестве "преступных государств" в документах, учреждавших эти трибуналы¹⁰. Что касается более недавней международной практики, то схожий подход применялся при создании специальных трибуналов для Югославии и Руанды Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Оба

---

⁸ По делу *Velásquez Redríguez (Compensation)* Межамериканский суд по правам человека заявил, что в международном праве не признается концепция штрафных убытков: *Inter-Am.Ct.H.R., Series C, No. 7* (1989), p. 52. См. также *Re Letelier and Moffit*, (1992), *I.L.R.*, vol. 88, p. 727 относительно убийства в Вашингтоне чилийскими агентами бывшего чилийского министра; компромисс исключил присуждение любых штрафных убытков, несмотря на предусматриваемую в этом отношении возможность по законодательству Соединенных Штатов. По вопросу о штрафных убытках см. также N. Jørgensen, "A Reappraisal of Punitive Damages in International Law", *B.Y.I.L.*, vol. 68 (1997), p. 247; S. Wittich, "Awe of the Gods and Fear of the Priests: Punitive Damages in the Law of State Responsibility", *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3 (1998), p. 31.

⁹ Международный военный трибунал для преследования и наказания главных военных преступников, приговор от 1 октября 1946 года, reprinted in *A.J.I.L.*, vol. 41 (1947), p. 172, at p. 221.

¹⁰ И это несмотря на то, что в принятом в Лондоне в 1945 году Уставе конкретно предусматривалось осуждение "группы или организации" как "преступной", ср. Charter of the International Military Tribunal, London, 8 August 1945, *U.N.T.S.*, vol. 82, p. 279, arts. 9, 10.

суда рассматривают дела только отдельных лиц¹¹. В решениях этих трибуналов этот принцип признается. В своем решении по делу *Обвинитель против Бласкича (Возражения по вопросу о приказе о явке в суд с документами)* Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии заявила, что "нынешнее международное право ясно указывает на то, что государства по определению не могут быть объектом уголовных санкций наподобие тех, которые предусмотрены в национальных уголовных системах"¹². В Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года также устанавливается юрисдикция "в отношении самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества", но эта юрисдикция ограничивается "физическими лицами" (статья 25 (1)). В этой же статье конкретно указывается, что ни одно положение в этом статуте, "касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву"¹³.

7) Соответственно, в настоящих статьях не признается существование какого-либо различия между государственными "преступлениями" и "деликтами" для целей Части первой. С другой стороны, в статьях необходимо отразить то обстоятельство, что в области ответственности государства существуют определенные *последствия*,

---

¹¹ См. соответственно статьи 1 и 6 Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года, от 25 мая 1993 года (первоначально опубликованного в качестве приложения к документу S/25704 и Add.1, утвержденного Советом Безопасности в его резолюции 827 (1993); с изменениями, внесенными 13 мая 1998 года резолюцией 1166 (1998) и 30 ноября 2000 года резолюцией 1329 (2000)); и статьи 1 и 7 Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, от 8 ноября 1994 года, учрежденного Советом Безопасности в его резолюции 955 (1994).

¹² Case IT-95-14-AR 108bis, *Prosecutor v. Blaskić, I.L.R.*, vol. 110, p. 688 (1997), at p. 698, para. 25. Ср. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Preliminary Objections, I.C.J., Reports 1996*, p. 595, в котором ни одна из сторон не рассматривала разбирательство как уголовное по своему характеру. См. также комментарий к статье 12, пункт 6.

¹³ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года, A/CONF.183/10, статья 25 (4). См. также статью 10: "Ничто в настоящей Части Положения о ненанесении ущерба не должно истолковываться как каким бы то ни было образом ограничивающее ныне действующие или складывающиеся нормы международного права или наносящее им ущерб для целей, отличных от целей настоящего Статута".

вытекающие из базовых концепций императивных норм общего международного права и обязательств перед международным сообществом в целом. Независимо от того, выступают ли императивные нормы общего международного права и обязательства перед международным сообществом в целом аспектами одной и той же основной идеи, они, чтобы не сказать меньше, в значительной степени перекрывают друг друга. Все приводившиеся Международным Судом примеры обязательств перед международным сообществом в целом¹⁴ касаются обязательств, которые, по общепризнанному мнению, вытекают из императивных норм общего международного права. Аналогичным образом, примеры императивных норм, приводившиеся Комиссией в ее комментариях к тому, что впоследствии стало статьей 53 Венской конвенции¹⁵, охватывают обязательства перед международным сообществом в целом. Однако здесь следует отметить существование различия, по меньшей мере, в акцентах. Если цель императивных норм общего международного права - определить сферу охвата и приоритет небольшого числа основополагающих обязательств, то основная направленность обязательств перед международным сообществом в целом по существу представляет собой юридический интерес для всех государств в соблюдении - т.е. по смыслу настоящих статей - в обретении права призвать к ответственности любое государство, нарушившее свое обязательство. В соответствии с таким расхождением в целях представляется уместным отразить последствия этих двух концепций двумя различными способами. Во-первых, серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, могут влечь за собой дополнительные последствия, причем не

---

¹⁴ По мнению Международного Суда, обязательства *erga omnes* согласно современному международному праву... вытекают, например, из объявления вне закона актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации": *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase, I.C.J. Reports 1970*, p. 3, at p. 32, para. 34. См. также *East Timor (Portugal v. Australia), I.C.J. Reports 1995*, p. 90, at p. 102, para. 29; *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 258, para. 83; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1996*, p. 595, at pp. 615-616, paras. 31-32.

¹⁵ Комиссия международного права привела следующие примеры договоров, которые нарушали бы статью вследствие противоречия императивной норме общего международного права, или норме *jus cogens*: "а) договор, направленный на неправомерное применение силы вопреки принципам Устава; б) договор, направленный на совершение какого-либо иного действия, имеющего, согласно международному праву, уголовный характер; с) договор, направленный на совершение или попустительство каким-либо действиям (например, работорговле, пиратству или геноциду), в борьбе с которыми призвано участвовать каждое государство... В качестве других возможных примеров были упомянуты договоры, нарушающие права человека, равноправие государств или принцип самоопределения"; *Yearbook... 1966*, vol. II, стр. 247 английского текста.

только для ответственного государства, но и для всех других государств. Во-вторых, все государства имеют право призвать к ответственности за нарушения обязательств перед международным сообществом в целом. Первому из этих предложений и посвящена настоящая глава; второе предложение является предметом статьи 48.

Статья 40

Применение настоящей Главы

1. Настоящая Глава применяется к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права.
2. Нарушение такого обязательства является серьезным, если оно сопряжено с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством.

Комментарий

1) Статья 40 служит для определения сферы применения нарушений, охватываемых данной главой. В ней устанавливаются два критерия, необходимых для проведения различия между "серьезными нарушениями обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права", и другими видами нарушений. Первый критерий касается характера нарушенного обязательства, которое должно проистекать из императивной нормы общего международного права. Второй критерий квалифицирует значительность нарушения, которое должно быть серьезным по своему характеру. Глава III применяется лишь к тем нарушениям международного права, которые соответствуют двум указанным критериям.

2) Первый критерий относится к характеру нарушенного обязательства. Для того чтобы имелись основания для применения этой главы, нарушено должно быть обязательство, вытекающее из императивной нормы общего международного права. В соответствии со статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров¹⁶ императивная норма общего международного права - это норма, которая

"принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер".

---

¹⁶ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331 английского текста.

Понятие императивных норм общего международного права признано в международной практике, в судебной практике международных и внутригосударственных судов и трибуналов и в теории права¹⁷.

3) Не имеется оснований приводить больше примеров императивных норм, упоминаемых в тексте самой статьи 40, чем это было сделано в тексте статьи 50 Венской конвенции. Вполне ясно, что эти нормы не касаются таких системообразующих допущений международной юридической системы, как *pacta sunt servanda* или принцип добросовестности¹⁸. Их основная направленность - это значительные запреты, налагаемые на поведение, которое начинают рассматривать как недопустимое в силу той угрозы, которую оно представляет для выживания государств и населяющих их народов и сохранения наиболее важных человеческих ценностей.

4) По общепринятому мнению, среди этих запрещений именно запрещение агрессии следует рассматривать как императивную норму. Такой подход был поддержан, например, в комментариях Комиссии к тому, что должно было стать статьей 53¹⁹, в не вызывавших возражений заявлениях правительств на Венской конференции²⁰, в документах, представленных обеими сторонами в деле о *Военных и полувоенных операциях* и в собственном решении Суда по данному делу²¹. Судя по всему, практически не вызывают возражений и другие примеры, перечисленные в комментарии Комиссии к статье 53, а именно запрещение рабства и работорговли, геноцида и расовой дискриминации и апартеида. Эти виды практики были запрещены в ратифицированных значительным числом государств международных договорах и конвенциях, не

---

¹⁷ Более подробное рассмотрение требований определения нормы как императивной см. комментарий к пункту 5) статьи 26 с избранными ссылками на прецедентное право и литературу.

¹⁸ Это - нормы или принципы, "устанавливаемые логической или правовой необходимостью": см. G. Abi-Saab, "The Uses of Article 19", *European Journal of International Law*, vol. 10 (1999), p. 339, at p. 349.

¹⁹ *Yearbook... 1966*, vol. II, p. 247.

²⁰ На Венской конференции ряд правительств охарактеризовали в качестве императивных норм запрещение агрессии и неправомерного применения силы: см. *United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session, A/CONF.39/11*, pp. 294, 296-7, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 311, 312, 318, 320, 322, 323-4, 326.

²¹ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, *Merits, I.C.J. Reports 1986*, p. 14, at pp. 100-1, para. 190. См. также President Nagendra Singh, *ibid.*, at p. 153.

допускающих никаких отступлений от соответствующих положений. На Венской конференции выявилось общее согласие участвовавших правительств в отношении императивного характера этих запрещений. Что же касается императивного характера запрещения геноцида, то он был поддержан в ряде решений внутригосударственных и международных судов²².

5) Хотя некоторые другие нормы и не указаны конкретно в комментарии Комиссии к статье 53 Венской конвенции, их императивный характер, по-видимому, также практически не вызывает сомнений. Это можно сказать, например, о запрещении пыток в том виде, как они определены в статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года²³. Императивный характер этого запрещения был подтвержден решениями международных и внутригосударственных органов²⁴. С учетом данного Международным Судом основным нормам международного гуманитарного права, применимым в вооруженных конфликтах, определения "незыблемых" по своему характеру, было бы также, судя по всему, оправданно рассматривать их как императивные²⁵. Наконец, следует упомянуть и обязательства уважения права на самоопределение. Как отметил Международный Суд в решении по делу о *Восточном Тиморе*, "принцип самоопределения... является одним из основных принципов современного международного права", что является основанием возникновения обязательства перед международным сообществом в целом, необходимого для того, чтобы дать возможность осуществлять его и считаться с его осуществлением²⁶.

---

²² См., например, решение Международного Суда по делу "Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Provisional Measures, *I.C.J. Reports 1993*, p. 325, at pp. 439-440; *Counter-Claims, I.C.J. Reports 1997*, p. 243; the District Court of Jerusalem in *Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann, I.L.R.*, vol. 36, p. 5 (1961).

²³ *U.N.T.S.*, vol. 1460, p. 112.

²⁴ Cp. the U.S. Court of Appeals, 2nd Circuit, in *Siderman de Blake v. Argentina*, (1992) *I.L.R.*, vol. 103, p. 455, at p. 471; the United Kingdom Court of Appeal in *Al Adsani v. Government of Kuwait*, (1966) *I.L.R.*, vol. 107, p. 536 at pp. 540-541; the United Kingdom House of Lords in *R. v. Bow Street Metropolitan Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte (No. 3)*, [1999] 2 W.L.R. 827, at pp. 841, 881. Ch. the U.S. Court of Appeals, 2nd Circuit *Filartiga v. Pena-Irala*, (1980) *I.L.R.*, vol. 77, p. 169, at pp. 177-179.

²⁵ *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 257, para. 79.

²⁶ *East Timor (Portugal v. Australia), I.C.J. Reports 1995*, p. 90, at p. 102, para. 29.

6) Следует подчеркнуть, что приведенные выше примеры не могут быть исчерпывающими. Кроме того, в статье 64 Венской конвенции предусматривается, что новые императивные нормы общего международного права могут возникать в результате процесса принятия и признания международным сообществом государств в целом, как об этом говорится в статье 53. Приведенные здесь примеры не наносят, таким образом, ущерба существующим или возникающим нормам международного права, которые отвечают критериям императивных норм по смыслу статьи 53.

7) Наряду с ограниченной сферой применения вследствие сравнительно небольшого числа норм, квалифицируемых в качестве императивных, статья 40 вводит и еще одно ограничение для целей данной главы, которое заключается в том, что нарушение должно само по себе быть "серьезным". "Серьезное" нарушение, как оно определяется в пункте 2, это нарушение, сопряженное "с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством". Слово "серьезное" означает, что, для того чтобы не низвести до тривиального уровня нарушение, необходима некоторая степень масштабности нарушения, и слово это употреблено отнюдь не для того, чтобы дать понять, что любое нарушение этих обязательств не является серьезным или же каким-либо образом заслуживает снисхождения. Однако наличие сравнительно менее серьезных нарушений императивных норм предположить можно, и необходимо поэтому ограничить сферу применения настоящей главы более серьезными или систематическими нарушениями. Некоторая степень такого ограничения поддерживается практикой государств. Например, реагируя на нарушения международного права, государства зачастую подчеркивают их систематический, грубый или вызывающий характер. Аналогичным образом, процедуры международного обжалования, например в области прав человека, присваивают различные последствия систематическим нарушениям, например с точки зрения неприменимости нормы об исчерпании внутренних средств правовой защиты²⁷.

8) Для того чтобы считаться систематическим, нарушение должно совершаться организованным путем и умышленным способом. Напротив, термин "грубое" отражает масштабность нарушения или его последствий; он обозначает нарушения вопиющего характера, представляющие собой прямое и открытое посягательство на ценности, защищаемые указанной нормой. Эти термины, разумеется, не являются взаимоисключающими; серьезные нарушения, как правило, являются систематическими и грубыми. К числу факторов, устанавливающих серьезность нарушения, следует отнести

---

²⁷ См. *Ireland v. United Kingdom, E.C.H.R., Series A, No. 25 (1978)*, para. 159; ср., например, учрежденную в соответствии с резолюцией 1503 (XXVIII) ЭКОСОС процедуру, которая требует наличия "постоянного характера серьезных нарушений прав человека".

намерение нарушить норму, масштаб совершения и количество индивидуальных нарушений и тяжесть их последствий для потерпевших. Необходимо также помнить, что некоторые из рассматриваемых императивных норм, а именно запрещения агрессии и геноцида в силу самого своего характера требуют умышленного нарушения в крупных масштабах²⁸.

9) В статье 40 не устанавливается какая бы то ни было процедура определения того, было ли совершено серьезное нарушение. В задачу статей не входит установление новых институциональных процедур для рассмотрения индивидуальных случаев, независимо от того, имеют они место в соответствии с положениями главы III Части второй или какими-либо другими положениями. Кроме того, серьезными нарушениями, затрагиваемыми в настоящей главе, должны будут, по-видимому, заниматься компетентные международные организации, включая Совет Безопасности и Генеральную Ассамблею. В случае агрессии Совету Безопасности Уставом отводится конкретная роль.

Статья 41

Особые последствия серьезного нарушения обязательства согласно настоящей Главе

1. Государства должны сотрудничать с целью положить конец правомерными средствами любому серьезному нарушению по смыслу статьи 40.

---

²⁸ В 1976 году Комиссия предложила следующие примеры в качестве серьезных нарушений основополагающих обязательств:

- "а) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности, такого, как обязательство, запрещающее агрессию;
- б) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение, такого, как обязательство, запрещающее установление или сохранение силой колониального господства;
- с) тяжкое и массовое нарушение международных обязательств, имеющих основополагающее значение для защиты человеческой личности, таких, как обязательства, запрещающие рабство, геноцид и апартеид;
- д) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты окружающей среды, такого, как обязательство, запрещающее массовое загрязнение атмосферы или морей".

2. Ни одно государство не признает правомерным положение, сложившееся в результате серьезного нарушения по смыслу статьи 40, и не оказывает помощи или содействия в сохранении такого положения.

3. Настоящая статья не затрагивает других последствий, указанных в настоящей Части, и таких дальнейших последствий, которые может влечь за собой нарушение, к которому применяется настоящая Глава, в соответствии с международным правом.

Комментарий

1) В статье 41 речь идет об особых последствиях нарушений, которые по своему характеру и масштабам предусмотрены в статье 40. Статья состоит из трех пунктов. В первых двух устанавливаются особые юридические обязательства государств, столкнувшихся с совершением "серьезных нарушений" по смыслу статьи 40, а третий пункт представлен в виде исключаящей оговорки.

2) В соответствии с пунктом 1 статьи 41 государства несут позитивное обязательство сотрудничать с целью положить конец любому серьезному нарушению по смыслу статьи 40. С учетом разнообразия обстоятельств, которые можно было бы предусмотреть в этом отношении, в этом предписании в деталях не раскрывается, какую форму должно приобретать такое сотрудничество. Сотрудничество может быть организовано в рамках компетентной международной организации, в частности Организации Объединенных Наций. Вместе с тем в пункте 1 предусматривается также и возможность неинституционализированного сотрудничества.

3) Не устанавливается в пункте 1 и то, какие меры надлежит принимать государствам, с тем чтобы положить конец серьезным нарушениям по смыслу статьи 40. Такое сотрудничество должно осуществляться с применением правомерных средств, выбор которых будет зависеть от обстоятельств конкретной ситуации²⁹. Вместе с тем из этого положения ясно вытекает, что обязательство сотрудничать применяется к государствам независимо от того, были ли они затронуты каждое по отдельности серьезным нарушением. В условиях наличия серьезных нарушений от всех государств требуются совместные и скоординированные усилия по противодействию последствиям этих нарушений. Могут возникнуть сомнения относительно того, установлено ли уже в настоящее время международным правом позитивное обязательство сотрудничать, и в этом отношении пункт 1, возможно, отражает прогрессивное развитие международного права. Однако на деле такое сотрудничество, особенно в рамках международных

---

²⁹ См. также статью 54 и комментарий.

организаций, уже осуществляется в ответ на тяжелейшие нарушения международного права, и зачастую это оказывается единственным способом эффективной защиты. Цель пункта 1 состоит в том, чтобы укрепить существующие механизмы сотрудничества на той основе, что от всех государств требуется принятие по меньшей мере каких-либо мер реагирования на серьезные нарушения по смыслу статьи 40.

4) В соответствии с пунктом 2 статьи 41 на государствах лежит обязанность воздержания, включающего два обязательства - во-первых, не признавать правомерными положения, сложившиеся в результате серьезных нарушений по смыслу статьи 40, и, во-вторых, не оказывать помощи или содействия в сохранении такого положения.

5) Первое из этих двух обязательств касается обязательства коллективного непризнания международным сообществом в целом законности ситуаций, являющихся прямым результатом серьезных нарушений по смыслу статьи 40³⁰. Это обязательство действует в отношении "положений", сложившихся в результате таких из названных нарушений, как, например, предпринятая попытка приобретения суверенитета над территорией посредством отказа в праве на самоопределение народов. Оно не только касается формального признания таких положений, но и запрещает также действия, которые подразумевали бы такое признание.

6) Существование обязательства непризнания в ответ на серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм, уже находит поддержку в международной практике и решениях Международного Суда. Принцип, согласно которому территориальные приобретения с помощью применения силы являются недействительными и не должны признаваться, нашел четкое выражение во время маньчжурского кризиса 1931-1932 годов, когда исполнявший в то время обязанности государственного секретаря США Генри Стимсон заявил, что Соединенные Штаты совместно с подавляющим большинством членов Лиги Наций не могут...

"допустить законность любого положения de facto, ... признать любой договор или соглашение, заключенные между этими правительствами или их представителями, которые могут затронуть... суверенитет, независимость или... территориальную или административную целостность Китайской Республики; ...признать любое положение, договор или соглашение, которые могут стать результатом

---

³⁰ Это было названо "основным юридическим орудием в борьбе с тяжкими нарушениями международного права": С. Tomuschat, "International Crimes by States: An Endangered Species?", in K. Wellens (ed.), *International Law: Theory and Practice: Essays in Honour of Eric Suy* (The Hague, Nijhoff, 1998), at p. 259.

использования и применения средств в нарушение договоренностей и обязательств по Парижскому пакту от 27 августа 1928 года"³¹.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, этот принцип подтверждается: в ней недвусмысленно говорится, что государства не признают в качестве правомерного любое приобретение территории в результате применения силы³². Как заявил Международный Суд в своем решении по делу о *Военных и полувоенных операциях*, единодушное согласие государств с этим заявлением "может быть истолковано как признание действительности правила или комплекса правил, объявляемых в резолюции"³³.

7) Одним из примером практики непризнания действий, совершенных в нарушение императивных норм, служит реакция Совета Безопасности на иракское вторжение в Кувейт в 1990 году. После заявления Ирака о "слиянии полностью и навечно" с Кувейтом Совет Безопасности в резолюции 662 (1990) постановил, что аннексия Кувейта Ираком "является юридически незаконной и считается недействительной", и призвал государства, международные организации и специализированные учреждения не признавать эту аннексию и воздерживаться от любых действий или контактов, которые могли бы быть истолкованы как косвенное признание аннексии. На деле ни одно из государств не признало законности предполагаемой аннексии, последствия которой позднее были отменены.

8) Что же касается отрицания государством права народов на самоопределение, то в консультативном заключении Международного Суда по делу о *Намибии* содержится столь же ясно выраженное требование непризнания сложившегося положения³⁴. Эти же

---

³¹ Записка Государственного секретаря китайскому и японскому правительствам в Hackworth, Digest, vol. I, p. 334; одобренная резолюциями Ассамблеи от 11 марта 1932 года, *League of Nations Official Journal*, March 1932, Special Supplement No. 101, p. 87. Обзор предшествующей практики в отношении коллективного непризнания см. J. Dugard *Recognition and the United Nations* (Cambridge, Grotius, 1987), pp. 24-27.

³² Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, принцип первый, пункт 10.

³³ *Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, I.C.J. Reports 1986, p. 14, at p. 100, para. 188.

³⁴ *Правовые последствия для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западной Африке) в нарушение резолюции 276 (1970) Совета Безопасности*, I.C.J. Reports 1971, p. 16, at p. 56, para. 126, в котором Суд заявил, что "прекращение мандата и объявление незаконным присутствия Южной Африки в Намибии противоречит интересам всех государств в смысле исключения erga omnes законности положения, которое сохраняется в нарушение международного права".

обязательства находят отражение в резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, касающихся положения в Родезии³⁵ и бантустанов в Южной Африке³⁶. Эти примеры отражают тот принцип, что в тех случаях, когда серьезное нарушение по смыслу статьи 40 привело к возникновению положения, которое в иных условиях может подлежать признанию, такое признание тем не менее места не имело. Представляется, что коллективное непризнание может служить предпосылкой любого согласованного ответа сообщества на такие нарушения и обозначает минимальный необходимый объем реагирования государств на серьезные нарушения по смыслу статьи 40.

9) Обязательство непризнания применяется ко всем государствам, включая ответственное государство. Имелись случаи, когда государство, несущее ответственность за серьезное нарушение, стремилось закрепить положение благодаря своему собственному "признанию" его. Согласно пункту 2 статьи 41 "ни одно государство" не признает правомерным положение, сложившееся в результате серьезного нарушения. В связи с этим даже само ответственное государство обязано не содействовать сохранению неправомерного положения, и это обязательство соотносится со статьей 30 о прекращении и подкрепляется императивным характером рассматриваемой нормы.

10) Обязательство непризнания не является, однако, безусловным. В консультативном заключении по делу о *Намибии* Суд, несмотря на собственное утверждение о том, что неправомерность положения является таковой erga omnes и не может быть признана даже государствами, не являющимися членами Организации Объединенных Наций, заявил, что:

"непризнание управления Южной Африкой территорией не должно иметь своим следствием лишение народа Намибии каких бы то ни было преимуществ, вытекающих из международного сотрудничества. В частности, хотя официальные действия, совершаемые правительством Южной Африки от имени Намибии или в отношении Намибии после прекращения действия мандата, являются незаконными и недействительными, эта недействительность не может распространяться на такие

---

³⁵ Ср. резолюцию 216 (1965) Совета Безопасности.

³⁶ См., например, резолюцию 31/6А (1976) Генеральной Ассамблеи, поддержанную Советом Безопасности в его резолюции 402 (1976); резолюцию 32/105N (1977) Генеральной Ассамблеи; резолюцию 34/93G (1979) Генеральной Ассамблеи; см. также заявления председателей Совета Безопасности ООН в ответ на "создание" бантустанов Венда и Сискей: S/13549, 21 сентября 1979 года; S/14794, 15 декабря 1981 года.

действия, как, например, регистрация рождения, смерти и браков, последствия которой могут игнорироваться лишь в ущерб населению территории"³⁷.

И сам принцип непризнания, и такое его ограничения применяются, например, Европейским судом по правам человека³⁸.

11) Второе содержащееся в пункте 2 обязательство запрещает государствам оказывать помощь или содействие в сохранении положения, сложившегося в результате серьезного нарушения по смыслу статьи 40. Это положение идет дальше, чем положения, регулирующие вопросы помощи или содействия в совершении международно-противоправного деяния, которое охватывается статьей 16. Это положение регулирует поведение "после события деяния", следствием которого является оказание содействия ответственному государству в сохранении положения, "противопоставляемого всем государствам в смысле исключения *erga omnes* правомерности положения, которое сохраняется в нарушение международного права"³⁹. Оно идет дальше, чем совершение собственно серьезного нарушения, до уровня сохранения положения, сложившегося в результате этого нарушения, и применяется независимо от того, является ли само нарушение длящимся. Что же касается элементов "помощи или содействия", то статью 41 следует трактовать совместно со статьей 16. В частности, понятие помощи или содействия в статье 16 предполагает, что государство "знает об обстоятельствах международно-противоправного деяния". Нет необходимости включать такое требование в пункт 2 статьи 41, поскольку едва ли можно себе представить, что государство может оказаться в неведении о совершении серьезного нарушения другим государством.

12) В некоторых отношениях запрещение, содержащееся в пункте 2, может рассматриваться как логическое продолжение обязанности непризнания. Однако у него будет отдельная сфера применения в той мере, насколько затрагиваются действия, которые не подразумевают признания положения, сложившегося в результате серьезных нарушений по смыслу статьи 40. Такое отдельное существование подтверждается, например, в резолюциях Совета Безопасности, содержащих запрет на оказание помощи или содействия в сохранении незаконного режима апартеида в Южной Африке или

---

³⁷ *Правовые последствия для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западной Африке) в нарушение резолюции 276 (1970) Совета Безопасности, I.C.J. Reports 1971*, p. 16, at p. 56, para 125.

³⁸ *Loizidou v. Turkey, Merits, E.C.H.R. Reports 1996-VI*, p. 2216; *Cyprus v. Turkey* (Application no. 25781/94), judgment of 10 May 2001, paras. 89-98.

³⁹ *I.C.J. Reports 1971*, p. 16, at p. 56, para 126.

португальского колониального правления⁴⁰. Точно так же, как и в случае обязанности непризнания, в этих резолюциях, по всей видимости, выражена общая применимая ко всем положениям идея серьезных нарушений по смыслу статьи 40.

13) По смыслу пункта 3 статья 41 не затрагивает других последствий, указанных в Части второй, и таких дальнейших возможных последствий, которые может влечь за собой серьезное нарушение по смыслу статьи 40. Цель данного пункта - двоякая. Во-первых, в нем ясно заявляется о том, что серьезное нарушение по смыслу статьи 40 влечет за собой наступление правовых последствий, предусмотренных для всех нарушений, перечисленных в главах I и II Части второй. Следовательно, серьезное нарушение по смыслу статьи 40 налагает на ответственное государство обязательство прекратить международно-противоправное деяние, продолжить соблюдение обязательства и, в случае необходимости, дать гарантии и заверения в отношении неповторения деяния. В то же время серьезное нарушение влечет за собой обязанность возмещения в соответствии с нормами, изложенными в главе II настоящей Части. На сфере действия этих обязательств, несомненно, будет сказываться тяжесть рассматриваемого нарушения, однако это учитывается фактическими формулировками из соответствующих статей.

14) Во-вторых, пункт 3 учитывает такие дальнейшие последствия серьезного нарушения, которые могут быть предусмотрены международным правом. Это может быть реализовано через отдельную первичную норму, как в случае запрещения агрессии. Соответственно, пункт 3 допускает, что международное право может признавать наличие дополнительных юридических последствий, вытекающих из совершения серьезного нарушения по смыслу статьи 40. Тот факт, что такие дальнейшие последствия конкретно не перечислены в главе III, не затрагивает их признания в современном международном праве или же их возникновения в дальнейшем. Наряду с этим в пункте 3 находит отражение убеждение в том, что правовой режим серьезных нарушений сам по себе находится в состоянии развития. Устанавливая некоторые основные юридические последствия серьезных нарушений по смыслу статьи 40, статья 41 не содержит намерения исключить будущее развитие более подробно разработанного режима последствий, влекомых такими нарушениями.

---

⁴⁰ Ср., например, резолюцию 218 (1965) Совета Безопасности по вопросу о португальских колониях и резолюции 301 (1971), 418 (1977) и 569 (1985) Совета Безопасности по Южной Африке.